

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ПИСЕМ» В «ЗОНЕ» СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Власова Елизавета Алексеевна

*аспирант РГПУ им. Герцена
РФ, Санкт-Петербург
E-mail: kealis@gmail.com*

Богданова Ольга Владимировна

*д-р филол. наук, проф., РГПУ им. Герцена
РФ, Санкт-Петербург*

INTERTEXTUAL FIELD OF THE 'LETTERS' IN THE ZONE OF SERGEI DOVLATOV

Elizaveta Vlasova

*post-diplom student of RGPU
Russia, St. Petersburg*

Olga Bogdanova

*doctor of Philology, Professor, of RGPU
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются письма к издателю в составе повести С. Довлатова «Зона». Посредством поиска и анализа литературных аллюзий делается вывод о том, что интертекстуальный фон «писем» С. Довлатова строится на творческом переосмыслении традиций русской классической литературы.

ABSTRACT

In the submitted Article there is to find intertextual analysis of the letters to the editor in the novel of Sergei Dvlatov Zone. Through the search and research of literature connections, parallels and allusions there is to conclude that mainly intertextual basement in the novel Zone is made on the basis of Russian classical literature.

Ключевые слова: интертекстуальность, Довлатов, Зона.

Keywords: intertextuality, Dvlatov, Zone.

Своеобразие «Зоны» Сергея Довлатова составляет то обстоятельство, что произведение создавалось в течение длительного периода времени, в двух различных формах: первоначально рождалось как отдельные рассказы (или цикл рассказов), а позже было облечено в форму повестийного жанрового образования, оформленного в единое и цельное произведение, состоящее из чередующихся «писем издателю» и собственно текстов рассказов.

По свидетельству А. Ю. Арьева [Довлатов 1999: 398], первые рассказы «Зоны» были написаны в 1965–1968 годах, вскоре после демобилизации Довлатова из ВОХРы, где он служил в 1962–1965 годах, и впоследствии большая часть из них была опубликована в американской периодике как самостоятельные произведения. Следует отметить, что исследователь А. Зайцев ошибочно указывает на Мордовские лагеря, так как Довлатов провёл первый год в Коми, а затем под Ленинградом [Зайцев 2012].

Как пишет исследователь О. В. Богданова, «всё повествование Довлатова отчетливо распадается на две части: “теорию” — письма к издателю, созданные в смешанной манере частной переписки и публицистических отступлений автора <...> и “эмпири-

ку” — собственно художественный текст...» [Богданова 1996]. В целом это наблюдение верно. Хотя, как показывает текст (в т.ч. и интертекст), «теоретический» план повествования Довлатова не в меньшей мере, чем «эмпирический», есть сфера *художественного* творчества, более того — имеющая свой собственный кристаллизующийся и динамизированный литературный сюжет.

Роль и место «писем издателю» в «Зоне» оцениваются исследователями по-разному. Прежде всего критики и литературоведы указывают на *композиционную* функцию «писем», позволяющих связать воедино разрозненный материал, восполнить текстовые «лакуны». Таковую стратегию (функцию) предложил сам автор. По словам нарратора-повествователя, он пытался «составить из отдельных кусочков единое целое» (здесь и далее цитаты приводятся по изд.: [Довлатов 1999: 7-166]). Как объясняет «автор»-адресант, «беспорядочная фактура» произведения «осложнена» тем, что «перед отъездом <он> сфотографировал рукопись на микроплёнку», что его «душеприказчик раздал <фрагменты>нескольким отважным француженкам» и что отрывки «удалось провезти <...> через кордоны», но «некоторые фрагменты <были> утрачены полно-

стью» (с. 8–9). В подобном объяснении, несомненно, могла быть (и, вероятно, была) определенная доля истины. Неслучайно критик Вяч. Курицын полагается на правдивость признания «автора» и говорит о том, что «письма к издателю» придают «Зоне» «видимость последовательного изложения» [Курицын 2006], а П. Высеков считает, что письма организуют рамку фабульного повествования и вводят «автобиографический код», переводя текст в «мемуарный жанр повествования о себе и о своей жизни, а не о вымышленном герое» [Высеков 2001].

Между тем речь может идти не только о том, что «письма издателю» организуют органическую цельность всей формально-композиционной структуры повести, но и создают свой собственный — «эпистолярный», имплицитный — сюжет. И этот сюжет имеет определенную литературную традицию, оказывается частью интертекстуального поля «Зоны» Довлатова.

Квалифицируя форму повествования «Зоны», нарратор-«автор» определяет жанровую сущность пересылаемой издателю «рукописи» как «своего рода дневник, хаотические записки, комплект неорганизованных материалов» (с. 8). И тем самым указывая на устойчивую нарративную традицию русской классической литературы, связанной в первую очередь с творчеством А. С. Пушкина, с характерным для него приемом «сюжетной (авторской) маскировки», когда, например, повести «Метель» или «Станционный смотритель» оказывается созданием не Пушкина, а некоего покойного Ивана Петровича Белкина, а роман «Капитанская дочка» — мемуарными «записками» Петра Андреевича Гринева, переданными *издателю* родными покойного. Более того, как помним, в ряде изданий «Капитанская дочка» нередко сопровождается письмом автора к цензору, в котором писатель «объясняет» (на самом деле «затемняет») цензору характер повествования и идейное содержание «повести» [Пушкин 1959-1962: 45-119].

Та же форма наррации, как известно, маркирует и романное повествование в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова — «Журнал Печорина»

[Лермонтов 1999-2000: Т. 6], дневниковые записки героя-актанта, с характерными, выведенными на уровень архитектоники календарными датами изображаемых событий (напомним, что каждое письмо к издателю у Довлатова сопровождается сопутствующей датировкой). Непосредственно имя Лермонтова возникает в тексте Довлатова в эпизоде о Маргулисе: «Только что звонил Маргулис, просил напомнить ему инициалы Лермонтова» (с. 42).

Более близкими в тематическом плане оказываются «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского [Достоевский 1988-1996]. Судя по Введению к первой части, это записки, сохранившиеся в «довольно объемной» тетрадке Александра Петровича Горянчикова, «родившегося в России дворянином и помещиком, потом сделавшегося ссыльнокаторжным второго разряда за убийство жены своей и, по истечении определенного ему законом десятилетнего термина каторги, смиренно и неслышно доживавшего свой век в городке К. поселенцем» [Лермонтов 1999-2000: Т. 6. 67].

Т.е. вслед за классиками русской литературы Довлатов использует «смешанную» (по определению прозаика — «хаотическую») форму повествования, когда голос автора-создателя (условно объективного повествователя) и голос-героя, участника событий (условно субъективного рассказчика), разделяются, дифференцируются, обретая самостоятельную сферу проявления и актуализации.

Как показывает анализ, с одной стороны, «воспитателем» рождающегося писателя у Довлатова, несомненно и в первую очередь, оказывается русская классическая литература, которая на страницах «Зоны» представлена — эмплитно и имплитно — именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова, Бунина, Зощенко, Шукшина, Евтушенко и без сомнения — Шаламова и Солженицына. Духовно-гуманистическая традиция русской классической литературы признается Довлатовым (и его героем) базой, фундаментом, основой формирования личности художника, но подвергается критическому переосмыслению нигилиста(-постмодерниста).

Список литературы:

1. Богданова О. В. Современная русская литература. Лагерная тема в русской прозе 1950-х — 1980-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 26.
2. Высеков П. Функции писем в структуре повести С. Довлатова «Зона» // Критика и семиотика. Вып. 9. Новосибирск, 2006. С. 112–125.
3. Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 2. С. 7–166, — с указанием страниц в скобках.
4. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.; Л. 1988-1996.
5. Зайцев А. Хемингуэй и Довлатов: Прощай, Зона! // URL: polit.ru. Александр Зайцев. Хемингуэй и Довлатов: Прощай, Зона!).
6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. 288 с. С. 238.
7. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.: Изд-во Воскресенье, 1999-2000.
8. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962